

сестры шред

бетси лернер

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Л49

Betsy Lerner

SHRED SISTERS

Перевод с английского Александра Яковлева

Дизайн обложки Виктории Лебедевой

Лернер, Бетси

Л49 Сестры Шред: роман / Бетси Лернер; [пер. с англ. А. Яковлева]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2025. — 352 с. — (Имена. Зарубежная проза).

ISBN 978-5-389-28096-0

Никто не будет любить тебя больше и не причинит тебе больше боли, чем родная сестра.

Знакомьтесь, это сестры Шред.

Олли всегда в центре внимания, с ошеломляющей уверенностью пленяет всех и вся и, как ураган, разрушает жизни людей, стоящих у нее на пути.

Эми — типичная серая мышка. При этом она крайне осторожна, умна, любит следовать правилам, верит в факты и науку. Вот только правила ее тщательно выстроенного мира не могут объяснить, что происходит с Олли, чья красота и харизма скрывают психическое заболевание.

По мере того как Эми взрослеет и пытается найти себя, на каждом шагу она сталкивается с Олли, которая то исчезает, то появляется. И как бы ни хотелось Эми разорвать невидимый сестринский узел, сделать это практически невозможно.

«Сестры Шред» — это интимная горько-сладкая история, которая охватывает два десятилетия и исследует проблемы сестринства, психического здоровья, потерь и любви.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 78-5-389-28096-0

Copyright © 2024 by Betsy Lerner

All rights reserved.

© Яковлев А., перевод на русский язык, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Азбука®

*Посвящается памяти
Джорджа Арнетта Ходжмана (1959–2019)*

Эту историю я могла бы начать так: «Вид у Оливии был умопомрачительный».

Или так: «Много лет я была уверена, что Олли виновата во всех бедах нашей семьи».

Или: «Никто не будет любить тебя больше и не причинит тебе больше боли, чем родная сестра».

Мне было страшно будить отца. Он спал на диване в своей комнатке; коричневые кожаные туфли устроились рядом на ворсистом ковре, друг на друге, как кролики.

«Надеюсь, Эми, это действительно что-то серьезное...»

Обычно отец не называл меня полным именем — Эм или Эйм, а еще Эйкорн¹, Пышка и Зайка.

К тому моменту, когда он дошел до Олли, она была вся в крови.

Минутой раньше сестра прыгала на диване, как на батуте, и звала меня попрыгать вместе. Толстые пружинистые подушки со свистом под-

¹ Почти все прозвища героини имеют дополнительное значение: Эйм (англ. Aim) — «цель», Эйкорн (англ. Acorn) — «желудь».

брасывали ее к самому потолку, а она касалась его рукой или изображала бросок баскетбольного мяча в корзину. Но не рассчитала силы в боковом броске и врезалась в панорамное окно за диваном. На миг воцарилась тишина, а потом окно превратилось в град осколков, который обрушился на Олли. Она помотала головой, и стекла полетели в разные стороны, как вода из садовой дождевалки. Олли застыла на месте, боясь пошевелиться. По рубашке и штанам расплывались кровавые пятна.

Отец велел мне вызвать скорую помощь и успокаивающе сказал Олли своим уверенным низким голосом:

— Все будет хорошо, родная. Не шевелись.

Олли не двинулась ни на миллиметр, понимая, что осколки стекла могут вонзиться в нее еще глубже. Она даже говорить не могла от шока. Впоследствии сестра шутила, что была похожа на огромный использованный тампон, но в тот момент чувство юмора ей изменило. Мама тогда уехала с подругами в круиз по фьордам. Рекламная брошюрка, на которой она записала все контактные номера, лежала на кухонном столике — на случай, если понадобится срочно связаться. Пока ждали скорую, я предложила позвонить маме, но отец не разрешил:

— Пусть развлекается.

Приехала бригада. Женщина-фельдшер и медбрат на миг застыли при виде Олли.

— Ого, — произнесла фельдшер.

— Ни хрена себе! — воскликнул парень и торопливо добавил: — Пардон.

Потом он стал разрезать рубашку на спине Олли, а женщина поддерживала сестру под мышки. Олли, как обычно, была без лифчика, и папа вышел из комнаты. Женщина держала ее, а парень вынимал стекла. Когда Олли укладывали на носилки, она не издала ни звука. Женщина накрыла ее белой простыней, и в местах порезов проступили красные пятна — поначалу бледные, потом — все ярче. Олли застонала, и ей сделали укол. Я хотела залезть в машину скорой помощи, но мужчина отстранил меня и закрыл дверцу. Папа завел свой автомобиль и велел мне остаться присмотреть за домом.

Я взяла метлу и совок с вертикальной ручкой, с которыми играла в уборщицу кинотеатра. Разбросав мусор по полу, я начинала убираться, жалуясь воображаемым билетерам на неряшливых зрителей и заляпанные полы. Теперь передо мной стояла более сложная задача. Пол и диван были усыпаны осколками стекла разной величины, от крупных до мелкой пыли. Я решила использовать пылесос. Мама очень гордилась своим новым «Электролюксом». Она проходила по всему дому, а он катился за ней на колесах, как такса на поводке. Пылесос справился со стеклянной пылью, но от крупных осколков шланг его судорожно задержался, а потом из решетки сзади вырвался клуб черного дыма, и в комнате запахло горелой пластмассой.

Я попыталась дозвониться в больницу, но не смогла. Приближались сумерки, и меня охватил страх. Ну вот, опять я оказалась в массовке какого-то фильма-катастрофы, который моя сестра сочинила, сама же его поставила и снялась в главной роли. Она сейчас, наверное, истекает кровью, а мама разыгрывает очередную партию в бридж на фоне величественных фьордов. Мне хотелось позвонить матери, но я понимала, что отец прав. Дело не в том, что ей нужно дать отдохнуть, а в том, что она сделает только хуже.

Вечером папа вернулся из больницы. Рукав у него был в крови. Он крепко обнял меня и сказал, что Олли поправится; порезы кровоточили сильно, но оказались в основном поверхностными. Я расплакалась, и он еще раз обнял меня и сказал, чтобы я не волновалась. Я чуть не выпалила: «Почему ты не позвонил, как ты мог оставить меня одну?» Но хотелось, чтобы папа думал, что я больше беспокоюсь о сестре, чем о себе. Потом он добавил, что ему нужно подкрепиться. «Подкрепиться» у него означало бар «У Чака», чистый мартини с оливками и недожаренный портерхаус.

В баре «У Чака» мне нравилось, стоя в очереди за салатами, наблюдать, по-честному ли люди себе накладывают. Сама я демонстративно выкладывала себе подходящими для того щипцами справедливую порцию из каждого контейнера. А Олли одними и теми же щипцами наваливала в свою тарелку гору капустного салата,

затем щедро добавляла оливок и посыпала все это горой сухариков. Это не было преступлением, но именно это я в ней терпеть не могла. Как и многое другое.

Когда официант принял у нас заказ, отец в двух словах отчитался. Сказал, что Олли оставили на ночь в больнице, дали ей какое-то сильное обезболивающее. Вызывали для консультации пластического хирурга. Тот сообщил, что больше всего пострадала спина, но шрамы останутся минимальные.

«Ты очень красивая девочка, — сказал хирург Олли. — И везучая».

На следующий день Олли вернулась домой. Она разрешила мне намазать ей заживляющей мазью самые большие раны на спине. Я аккуратно выдавила на каждый порез по червячку мази.

— Пошустрее можно?

Олли считала меня «тормозом» и копушей. Даже полусонная от обезболивающих, она меня подгоняла.

Через пять дней вернулась мама. Отец к тому времени оплатил установку новых стекол и профессиональную чистку ковра и дивана. «Вот, все как новенькое», — оценил он результаты. Хотя я была уверена, что мама сразу что-нибудь заметит. Но она приехала очень довольная поездкой и тем, что выиграла турнир, и первым делом показала свой кубок, а затем занялась раздачей подарков. Папе досталась бейсболка с над-

писью «Фьорды», а мне — футболка с принтом «Я ♥ фьорды». После этого сумка с подарками, казалось, опустела, но мама порылась в ней, выудила маленького, меньше ладошки, белого медведя из кварца и вручила его Олли — та собирала коллекцию сувенирных медвежат.

Эта традиция родилась раньше меня. Олли влюбилась в белых медведей, едва увидев их впервые в Бронкссском зоопарке. Она с восторгом смотрела, как они там плавают, греются на солнышке и подбрасывают носом большой красный мяч. Ни уговоры, ни подкуп, ни принуждение не помогли — родители так и не смогли оттащить Олли от вольера. Легенда гласит, что им пришлось смотреть на медведей, пока зоопарк не закрылся. Уже в три года Олли демонстрировала властный характер, и родители, обожавшие свою доченьку, всегда уступали. Впоследствии ее называли исключительно «волевой», «упорной» и даже «упрямой».

В конце концов мама сложила пазл, обнаружив улики: убитый пылесос, окровавленная марля в мусорной корзинке Олли, найденный в почте больничный счет — и сделала выводы. Папа, оправдываясь, уверял, что происшествие было пустяковым. Когда через несколько лет Олли стала куда-то пропадать по ночам, он начал винить себя в том, что пытался скрыть от мамы этот случай. Ведь уже тогда, задолго до настоящих проблем, Олли заигрывалась, не знала меры. Хирург, оказывается, говорил ему, что Олли даже

очень повезло: если бы один из осколков в шее вошел чуть глубже, она могла умереть.

А тогда в баре «У Чака», поужинав, отец заказал десерт — фирменный шоколадный торт с глазурью — и две вилки. «Угощайтесь, голубки», — подмигнул официант, поставив торт на стол. Отец поднес кусок ко рту — и вдруг весь затрясся. Я отвернулась, чтобы не видеть того, что вот-вот могло случиться; я никогда не видела отца плачущим. Через несколько секунд он справился с собой, вытер лицо платком и извинился за срыв. Нелегкий выдался денек.

— Олли будет наказана? — спросила я.

— Нашла о чем думать! — Отец смотрел на меня с недоумением и неприязнью. Виноватой вдруг стала я. Сестра, пробив собой стекло, оказалась неуязвимой, как Гудини. Отец сердито ткнул вилкой в торт.

Казалось, весь мир был создан лишь для того, чтобы подпитывать наше с Оливией соперничество. Мы боролись за право сидеть в большом кресле у телевизора и за пульт. Мы спорили за место у иллюминатора в самолете и у прохода в кинотеатре. За переднее пассажирское сиденье в машине бороться было бесполезно: как младшая сестра, я была обречена до конца жизни сидеть сзади. На переднее даже мама не претендовала. Мы спорили из-за собаки, которой у нас не было: какой она должна быть породы, как ее назвать, кого из нас она будет сильнее любить. Если Олли

казалось, что моя порция еды больше, она меняла местами тарелки. Мы даже дрались — кулаками, ногами, таскали друг друга за волосы. Но гораздо больнее были оскорбления; она дразнила меня так, что до сих пор обидно. Она называла меня лузершей, ничтожеством, ходячим выкидышем. А еще — подлизой, ябедой, учительской собачкой. По ее мнению, я была скучной, серой, занудной посредственностью. Олли знала, что я отличница, но она имела в виду не оценки. Она считала, что у меня нет харизмы, нет таланта.

Моя первая мучительница искусно скрывала свои атаки от родительских глаз. Когда мы ссорились, родители всегда говорили: нам все равно, кто начал, сами разберитесь. А что там было разбираться, если это она слопала мой десерт, оставила мои любимые фломастеры лежать без колпачков, чтобы они засохли, и обезглавила моих кукол? Каждый год в мой день рождения она отпихивала меня от торта и сама задувала свечи. Родители со смехом журили ее: «Ну Олли!!!» Отец заново зажигал свечи, но теперь уже я отказывалась задувать их и загадывать желание. Маленькие восковые столбики растекались по тарту, меня ругали за упрямство, и опять я была плохой, хотя это Олли оттолкнула меня и украла мое желание.

Во время одного из обысков, которые я иногда проводила в комнате родителей, я наткнулась на завалившуюся за мамин письменный стол папку-гармошку. На отделении «А» роскошным мами-

ным почерком с вычурными завитушками было написано мое полное имя: Эми Клэр Шред. Внутри оказался целый архив. Мое свидетельство социального страхования с числами, разделенными черточками, как в азбуке Морзе. Мое свидетельство о рождении с указанием времени появления на свет — шесть утра — и веса — пять фунтов восемь унций¹. Врачи сказали родителям, что будь во мне на одну унцию меньше — и меня положили бы в инкубатор. Грелась бы в микроволновке, как гамбургер, говорил отец, и этот образ потом превратился в прозвище Пышка. Тем более что я так толком и не выросла: всего пять футов в высоту и сто фунтов веса². Когда я жаловалась на свои размеры, мама в утешение говорила, что лучшие вещи присылают в маленьких коробочках. Но я-то знала, что лучшие вещи присылают в больших упаковках, и все они достаются моей сестре.

Там же я нашла свой табель успеваемости за начальную школу. Развернув его, я полюбовалась на стройную колонку отличных оценок на правой стороне. Споткнулась я на разделе личностного развития и социальных навыков. Несправедливо и обидно до слез. Я страстно мечтала проявить себя, но была тем самым тощим, нескладным, очкастым солдатом, которого убивают в первой же перестрелке в каждом фильме про войну.

¹ Около 2,5 кг.

² Около 152,4 см и 45 кг.

Меня оттесняли от столиков в кафе; я держалась в сторонке на игровой площадке. Про меня написали, что я социально ограниченный интроверт.

Я заглянула в секцию на букву «О» и обнаружила отчеты об успеваемости Олли, перехваченные резинкой. Просмотрев все, я убедилась, что ее оценки были ужасными. Даже по основам здоровья! Воспылав негодованием младшей сестры, я побежала к маме. Вот оно, у меня на руках: доказательство, что Олли пользуется незаслуженной любовью! Но мама отругала меня за шпионаж и сказала, что успеваемость сестры меня не касается. Как могла моя мать, так требовательно относившаяся ко мне, мириться с ее плохими отметками?

В старших классах стало очевидно, что у Олли проблемы с вниманием. Ее мозг работал хаотично, как пинбольный автомат. Она не могла ни дочитать книгу, ни дописать сочинение. Не воспринимала ни карты, ни указатели. И тесты она сдавала так же, как ориентировалась в окружающей обстановке — интуитивно. Когда я пожаловалась на несправедливость таких двойных стандартов по отношению к нам, мать добила меня жестокой фразой: «А кто обещал, что жизнь будет справедливой?»

Когда мы учились в шестом классе, у одного нашего одноклассника обнаружили лейкемию. Он играл на кларнете в духовом оркестре, и я помню, каким маленьким он казался на параде:

форменная шапка, как у игрушечного солдатика, все время съезжала на лоб. За несколько месяцев его тело исхудало, кожа стала зеленовато-серой, а потом он исчез. В память о нем наш класс посадил дерево. На посвященной этому церемонии школьный дворник пел под гитару фальцетом «*Where Have All the Flowers Gone*»¹. Он был в белой рубашке, синем жилете и своих обычных уборщицких брюках. Мы до этого знать не знали, что он играет на гитаре и поет, и было как-то чудно.

В тот же вечер я постучала в дверь комнаты Олли.

— Войдите.

За несколько дней до того она уходила на тренировку по легкой атлетике, а я порылась в ее комодке и нашла пачку таблеток.

— Ты что, болеешь? — начала я разговор.

— О чем ты? — раздраженно спросила она в ответ.

— Я нашла у тебя таблетки, — призналась я.

— Какие таблетки?

— Те, что в комодке.

— Что ты делала в моей комнате? — Олли ухватила меня за шею.

Я замешкалась с ответом. Я не умела лгать, как она. У меня была скорее другая проблема: я говорила слишком много правды. Отвечая на любой вопрос, я говорила намного больше, чем требо-

¹ «Где все цветы?» (англ.) — популярная в 1960-х годах песня барда Пита Сигера.

валось. Сестру и это раздражало. Иногда и маму тоже. «Милая, давай уже, закругляйся», — повторяла она в таких случаях. Или: «Эми, переходи к делу, пожалуйста». Тогда я пробовала молчать или отвечать коротко и односложно; но моего терпения хватало ненадолго.

У меня не было никаких оснований заходить в комнату Олли, не говоря уж о том, чтобы рыться в ее комод. Я знала, что мне грозит наказание, долгое и унижительное. И все-таки я шпионила за сестрой и изучала ее. Меня интересовали самые мелкие подробности ее жизни: серебряное колечко на среднем пальце ноги, черный лак для ногтей и то, как она может говорить, чистя при этом зубы зубной нитью. В старших классах Олли всегда первой узнавала о новых направлениях в моде и в музыке. Она разбиралась в итальянских режиссерах и французских сигаретах. Она вела дневник в большой общей тетради. Летом сестра носила панаму, а зимой берет. Она часто включала песню Дэвида Боуи *Heroes*¹ — так, словно это был ее личный гимн.

— Не смей лазить в моих шмотках! — Оливия продолжала держать меня за шею. — Поняла?

— Ты не умираешь? — спросила я, вырываясь. У меня из головы не выходил покойный одноклассник.

— Да с какого перепугу?

¹ «Герои» (англ.).

— Эти таблетки...

— О господи! — Оливия рухнула обратно на кровать. — Какая же ты идиотка...

Мама начала замечать проблемы с Олли во время обычной поездки на машине домой от зубного врача. На многие годы этот день стал для нее датой, когда моя сестра «преобразилась». Олли тогда было пятнадцать, мне одиннадцать. Это было примерно через год после того, как она врезалась в окно, и, по моему скромному мнению, преобразилась она еще раньше. Она давно начала нарушать главные правила семьи Шред: не убирала за собой посуду, не застилала постель, не выносила мусор. Она не смотрела вместе с нами любимые семейные телепередачи, а в одиночестве слушала музыку в своей подвальной комнате. До того мы с сестрой считали подвальный этаж, где водились пауки и мыши и отвратительно пахло серой, подземным миром, полным ужасов. Я не могла понять, почему она перебралась в это нежилое помещение, притащив туда с чердака затхлый матрас. Олли устроила себе там логово, такую психоделическую пещеру, покрасив стены в черный цвет и установив ультрафиолетовую лампу, от которой белые пятна начинали зловеще светиться.

— Это мой дом, а в черный цвет стены не красят! — возмутилась мать, увидев, что она натворила.

— Это моя комната, в какой хочу, в такой и крашу! — заорала Олли в ответ.

Она стала капризной, у нее болели зубы от манипуляций ортодонта. Брекеты скоро должны были снять, но она не упускала возможности выставить свои страдания напоказ. Хотя она была одной из тех редких на Земле девочек, чью красоту брекеты не портили. Мне вскоре предстояло носить свои, и уж меня-то точно ждали прозвища типа Железный Рот, Рельсы и Плоскогубцы. Будучи от природы более терпеливой, я решила не есть в школе. Один мальчик из нашего класса, Роджер Коффин, ел в брекетах яичный салат и стал мишенью для насмешек. И не только для насмешек — главный задира в классе Рикки Теста во время игры в «Четыре угла» подхватил мяч и запустил его, как пушечное ядро, в грудь Роджеру. Тот упал спиной на цемент и долго не вставал. Мальчики на площадке смеялись, и девочки, стоявшие там полукругом, тоже. Прошло несколько секунд, а Роджер все не шевелился. Тогда я совершила, наверное, последний смелый поступок в своей жизни: подошла проверить, жив ли он. Отдышавшись, он сел, затем вскочил на ноги. Заметив меня рядом, он произнес громко, чтобы все слышали: «Поешь говна, Шред!» Потом побежал к парковке и скрылся в лесу.

По дороге домой от ортодонта Олли снова заговорила о выступлении Эрика Клэптона в большом концертном зале. Несколько месяцев с того момента, как билеты поступили в продажу, она донимала мать просьбами отпустить ее на

это шоу. Мама держалась стойко: это исключено. Но в тот день как раз должен был состояться концерт, и Олли не отставала.

— Все мои друзья идут... — ныла она.

— Да хоть царица Савская пусть идет, мне все равно, — отвечала мать.

— Он выступит в Нью-Хейвене всего один раз...

— Сегодня в школе выпускной вечер.

— Ну и что?

— С выпускных вечеров не уходят на концерты.

— Ты хоть знаешь, кто такой Эрик Клэптон?

— Все, я сказала!

И вот тогда у Олли вырвалось:

— Хер ты мне помешаешь!

Никогда это запретное бранное слово не звучало раньше в нашей семье. Мама резко свернула на обочину и велела Олли выйти из машины.

— Что-что?

— Вылезай!

— И что, мне пешком домой идти?

До дома оставалось не больше мили, но раньше мама не совершала таких неожиданных поступков; она стиснула руль руками.

— Оливия, выходи.

— Ты что, серьезно?

Олли принялась массировать свой больной рот, очевидно, надеясь разжалобить маму, но при этом внутренне перестраивалась. Она привыкла добиваться своего, вопрос был только в том,

чтобы найти правильный подход. Отца она могла победить, лишь слегка надувшись; но с мамой такой номер не проходил. Мама считала, что люди слишком балуют Олли, многое прощают ей за красоту. Действительно, Олли рано научилась управлять окружающими. В супермаркете незнакомые люди умилялись малышке с голубыми глазами и светлыми локонами, сидевшей в продуктовой тележке, и сюсюкали с ней. Кассир в банке угощал ее леденцами, мужчина в обувном магазине скручивал для нее из длинных тонких воздушных шаров разных животных. Позже, когда мы ездили в Нью-Йорк на концерт или в музей, люди принимали ее за популярную актрису. Как-то раз один мужчина дал маме свою визитку и сказал, что может устроить Олли на работу моделью. Кроме того, мама считала, что Олли слишком просто даются победы. Когда та в старшей школе начала заниматься бегом, она легко преодолевала препятствия и побеждала в гонках; она была тем героем-победителем, которого триумфально несут на плечах товарищи по команде.

— Оливия, быстрее!

— Ну, хорошо... — произнесла Олли.

Она не торопясь вылезла из машины и хлопнула дверцей. Закатное солнце красиво освещало ее силуэт. Мне была хорошо знакома эта ее поза: плечи вперед, руки на пояс. Не добившись своего, Олли всегда делала вид, будто вовсе и не хотела этого. Ее невозможно было победить.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Лернер Бетси
СЕСТРЫ ШРЕД

Ответственный редактор *М. Смылова*
Литературный редактор *Д. Судавная*
Художественный редактор *В. Лебедева*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Корректоры *Е. Бударгина, Н. Быкова*
Верстка *В. Брызгаловой*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 23.07.2025.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 2000 экз. Т-ИЗР-37113-01-Р. Заказ № .

В оформлении обложки использованы фотографии

@ Paolo Gallo / shutterstock.com

@ Dejan Lazarevic / shutterstock.com

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	12-14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

